

Демократия как справедливость

1. На пороге 2018-го

Замысел данной работы родился у автора после того, как ему стало окончательно ясно, что никаких шансов на демократический режим у России в ближайшие лет 20 нет. Скорее всего, нет шансов уцелеть в ее нынешнем виде и у самой России.

В настоящее время в России возникла аномальная общественная среда, состоящая, с одной стороны, из галлюцинирующего под влиянием провластных СМИ населения – при умышленно выведенных из строя измерителях его психического и морального состояний, а с другой – касты паразитирующих на ресурсах управителей, изображающих «власть». Управление осуществляется при этом, в основном, посредством тотальных информационных манипуляций и квазиправового принуждения. «Роднит» при этом население и власть неизбежная в такой антисистеме общая атмосфера страха и недоверия, а также обновленный «общественный договор» в форме общего соучастия в международном терроризме.

Называть данный этап российской истории «переходным периодом» могут сейчас уже только кормящиеся за счет этой фикции ее адепты; остальным имеет смысл непредвзято осмыслить произошедшее.

Наблюдаемый, однако, дискурс «оппозиции» в сложившейся ситуации полного отказа власти от диалога и удушения всех возможностей неподконтрольной ей публичной деятельности касается, в основном, следующих позиций:

- как бы все пошло иначе, если бы... (тут, обычно, бывает: Ельцин провел люстрацию, Ельцин не отправил в отставку Гайдара, Ельцин назначил преемником Немцова, Немцов не увел народ с пл. Революции на Болотную 6 мая и т.п.);

- как бы нам выйти миллионом на улицу и не уходить, пока (варианты: Путин не уйдет в отставку, отменят нечестные результаты «выборов», Навального не зарегистрируют кандидатом);

- как бы нам взять и выдвинуть на «выборы» единого демократического кандидата (единный блок);

- какую «правильную» Конституцию и каким путем надо принять после «победы» и как правильно провести люстрацию...

При этом «оппозиция» упорно не желает ни видеть новой реальности, ни отказываться, в связи с нею, от привычных форм деятельности (вплоть до участия в «выборах»). За некий «образец» принимается (в значительной степени в противовес «разоблачительной» риторике Кремля) режим ельцинского образца, который просто по ошибке «не туда» свернул в конце 90-х...

Между тем, именно сейчас важно проанализировать – для идущих вслед за нами – что, собственно, привело Россию в ее нынешнее состояние после потрясающего времени перестройки и всех подаваемых ею надежд?

Передо мной лежит книга Владимира Соловьева и Елены Клепиковой «Борис Ельцин», изданная в первой половине 1992 г. Я позволю себе привести пространную из нее цитату, как нельзя лучше характеризующую мироощущение интеллигенции той поры.

«Здесь мы должны рассказать об одном нашем личном разочаровании – о книге, которую мы прочли еще в юности и считали универсальным ключом к тысячелетней истории России... Книгу эту написал маркиз Астольф де Кюстин, изложив в ней свои впечатления от поездки в Россию в 1839 году...

Маркиз де Кюстин написал книгу о рабстве, о тотальном рабстве целой нации...

А коли русские рождены для рабства, то им никогда не выйти из тюрьмы, что бы они ни делали, – таков малоутешительный вывод этой знаменитой книги... Нам казалось, что эта книга на все времена, что скептицизм маркиза де Кюстина относительно России, увы, выдержал проверку

временем – сначала русская, а потом советская история подтвердила его тяжелую, тягостную правоту...

Но вот к России 1990 года... к этой проснувшейся России концепция добровольного рабства больше не подходила, безнадежно устарела.

Заезжий француз, как остроглаз ни был, написал все-таки не вечную книгу...

Впервые книга маркиза де Кюстина о стране рабов не вызывала больше близких ассоциаций и воспринималась скорее по контрасту, чем по аналогии. Блестящая, умная, талантливая, может быть, даже великая эта книга стала наконец исторической... Она приобрела эвристическую ценность, потеряв актуальную, злободневную... Слава Богу, маркиз де Кюстин устарел...» (с. 277-279).

Нет, как выяснилось, не устарел...

Сейчас, на пороге 2018 года, нужно, наконец, осмыслить, каким образом выходившие на площади миллионы граждан превратились в верноподданных, почему в России снова воцарилось, говоря словами де Кюстина, «осадное положение, ставшее нормальным состоянием общества»? Осмыслить, почему начатые Горбачевым реформы советского деспотического режима привели к трагическому финалу: «переходный период» (как его десятилетия услужливо называла привластная интеллектуальная обслуга) обернулся установлением режима, который наиболее уместно назвать «гибридным» – по аналогии с новым типом войн, развязываемых Россией в тех или иных регионах мира?

Для незашоренного наблюдателя есть смысл предположить, что такое не могло произойти из-за каких-либо, пусть и важных, ошибок Ельцина и/или его сподвижников; здесь нужно искать концептуальный идейный изъян, сделавший возможным возврат выведенной из равновесия системы в традиционную колею «добровольного рабства».

Итак, почему все пошло «не так»? Какие ориентиры оказались потеряны?

Ответу на эти вопросы и посвящена данная работа.

2. А существует ли вообще «демократия»?

В рамках базовой дихотомии демократический – деспотический, нынешний российский, как когда-то советский, режим, относится, разумеется, ко второму типу (ввиду хотя бы устойчивой тенденции роста числа политзаключенных).

Но неужели только отсутствием политзаключенных исчерпывается суть демократии?

Нет, конечно – это всего лишь индикатор. А что же сущностного есть в понятии «демократия»?

Демократия – это современный политический режим, реализующий общественный договор управителей и управляемых на основе общепризнанных гуманистических ценностей посредством широкого спектра обратных связей, самоконтроля средствами реального разделения ветвей власти с обеспечением независимости судебной ветви.

Возможно ли такое в принципе?

Критики демократии часто ссылаются на то, что управителям при этом режиме легко осуществлять манипуляцию мнением управляемых в своих личных и корпоративных интересах. Таким образом, управители якобы добиваются тех же антиобщественных целей, что и посредством насилия при деспотиях.

На основании этого обстоятельства, демократия объявляется обманом населения, что используется, далее, деспотиями (деспотия – это условное обозначение противоположного демократии политического режима, с командным типом управления, пресекающего свободу мысли и информации) для пренебрежения гуманитарными ценностями.

Положение осложняется тем, что то и дело возникают режимы «имитационной демократии» – то есть, такие, в которых используемые понятия и институты демократического режима являются муляжами, прикрывающими деспотизм управителей, причем реальные механизмы управления являются при этом максимально непрозрачными и неуязвимыми.

Самой выразительной реализацией такого режима являлась, до недавнего времени, путинская Россия. Однако, новая реальность, реальность «гибридных войн», возникшая после того, как путинская

камарилья (наиболее уместное обозначение касты высшей категории околупутинских управленцев) предъявила миру Россию в амплу международного рэкетира с гибридным арсеналом методов воздействия, потребность в эксклюзивных декорациях демократических институций резко снизилась, зато открылись степени свободы для привычных деспотических средств.

Но есть и хорошая новость: не все в демократии поддается имитации.

Есть, оказывается, в демократиях существенные отличительные признаки, позволяющие не просто безошибочно отличать их от имитационного подobia, но и содержащие в себе те качества, которые делают такие режимы привлекательными для населения.

Качественно эти признаки разумно описать тремя составляющими:

- жесткая регламентация по спектру и умеренность по относительным размерам форм обеспечения (вознаграждения) управителей,
- полная прозрачность этих форм для управляемых.
- наличие механизмов полного контроля управляемыми соблюдения регламента.

Совокупность этих составляющих позволяет управляемым наблюдать управителей «в режиме реального времени», что заставляет последних строго следовать установившимся в обществе моральным нормам. Это и обеспечивает то качество отношения населения («управляемых») к власти («управителям»), которое уместно назвать «доверием», и которое именно и определяет комфортность общественного климата, являющегося важнейшим показателем высокого качества жизни. Да – именно так: доверие населения в демократиях не является голой верой в бескорыстие управителей, а обеспечивается действующей возможностью контроля того, что их деятельность в принципе не имеет корыстной подоплеки!

Упомянутые составляющие вместе с процедурами их обеспечения я буду маркировать словом «справедливость», и, в контексте данной работы, это определенное таким образом понятие выступит своеобразной «силой удержания» управителей управляемыми (власти населением) в орбите своего бытия.

Конечно, понятие «справедливость» имеет определенные, сложившиеся в философии, юриспруденции и социологии, смыслы (сущностного характера – распределительная, меновая, справедливость воздаяния, а также справедливость процедурная). Новый смысл, которым наделяем его мы, с одной стороны, указанные сложившиеся смыслы в определенной степени синтезирует, а с другой – суживает до отношений между двумя составляющими общественного договора – управляемыми и управителями (населением и властью).

Чем обусловлена необходимость введения такого нового смысла? Только его предполагаемой концептуальностью, без которой существовавший его праобраз в образе «социальной справедливости» был лишь бесформенной идеей. (При этом, в подобной «специализации» общеизвестного широкого понятия нет ничего «криминального» – таким же образом, например, на основе общего понятия «усталость» было введено специальное понятие «усталость» в материаловедении – как «изменение механических свойств металлов и микроструктуры под действием переменной нагрузки, действующей продолжительное время».)

Определенная таким образом **справедливость – как «сила удержания» управителей управляемыми** – при ее реализации и обеспечивает, по нашей концепции, существенные, характеристические признаки демократии, без которых та оказывается, как это и случилось в России, лишь маскировочной оберткой. Именно поэтому имеет смысл считать ее **базовой составляющей демократии**.

В данной концепции демократии важно то, что осмысленная таким образом справедливость предстает не результатом «правильных» экономических механизмов и политических институций, а, наоборот, выступает важнейшим средством их укоренения. Это – принципиальное ее отличие от той, которой придерживались реформаторы «новой России» (уверовавшие во всеисилие «невидимой руки рынка»), которых я условно буду называть «либералами», и реализация которой надолго (если не навсегда) дискредитировала понятие «демократия» в глазах населения России.

Итак, определенная нами справедливость (чтобы не вносить путаницы, обозначим ее как **«справедливость удержания»**) – это не некая абстрактная цель, касающаяся «правильных» способов распределения благ между всеми членами общества, не обслуживаемая «по остаточному

принципу» общественная потребность, а **приоритетное средство поддержания в обществе атмосферы доверия на основе удерживания управителей в орбите общественного бытия управляемых**. Если в обществе сформирован как норма запрос на это средство и обеспечено его свободное функционирование в общественной среде, – то перед нами «настоящая» демократии, безошибочно отделяемая от имитационной, не говоря уже о «гибридном» деспотическом мутанте.

Попутно заметим, что критика со стороны «социалистов» либерализма российского разлива всегда апеллировала к «справедливости» лишь в распределительной ее ипостаси, применяя ее к вопросам оценки социальных условий населения и «правильного» распределения благ. Эта зашоренность традициями свела социалистическую критику к бессильным грезам о путях к «социальной справедливости», без труда и с удовольствием дискредитируемых либералами (с их всегда имеющимся за пазухой ярлыком «все поделить»).

3. Общественный договор в России: эволюция и деградация

Прежде чем проследить, какова была судьба справедливости как «средства притяжения» управителей к управляемым в постсоветской России, рассмотрим, вкратце, эволюцию в ней «общественного договора» между ними.

Этот договор имел несколько версий, различающихся собой лишь уровнем невежества, безнравственности, безответственности и античеловечности.

Советскую версию общественного договора уместно назвать «защищенность управляемых за лояльность управителям» – она существовала в СССР в эпоху застоя, то есть, при деспотическом режиме.

Этот договор был всем хорош, кроме одного: отказавшийся участвовать в нем («инакомыслящий»), ставил себя вне закона и подлежал принуждению к лояльности всей мощью репрессивного аппарата. Собственно, уже по одному этому признаку – наличию в стране политзаключенных – этот режим и относится к деспотическим. Лояльность держалась на страхе, а способы ее демонстрации предлагались при этом разнообразные и убедительные, что вызывало, разумеется, ненависть весьма мощного слоя образованных управляемых (интеллигенции). В конце концов, эта ненависть явилась одним из важнейших факторов «перестройки», сменившей, на короткий период, деспотический режим на демо– («демонстрационно») демократический.

Общественный договор 90-х, «ельцинский» – это «взаимная свобода обогащаться», реализованная в массе своей, де-факто, как «свобода воровать».

«Было разрешено воровать, обманывать людей, грабить страну и население, менять кожу и окрас... Все это под благонамеренной вывеской: “создается класс собственников”. Главное — успеть “замазать” людей. Замазался — все, ты наш, ты обязан нас защищать, это мы тебя сделали таким» – писал об этом Станислав Говорухин в своей знаменитой книге «Великая криминальная революция» (1995). И еще: «Происходит невероятное. У нас на глазах растет уродливый ребенок, со всеми патологиями, которые известны в медицинской практике. Даун. Несчастье родителей. Пожизненное. Между тем примерно тридцать процентов населения (примерно столько полагают все происходящее правильным) уверяют нас: ничего, подрастет, оправится и станет красивым молодым человеком».

Защищенности при этом не было ни у кого, но были все условия для глубочайшего социального расслоения.

Для сравнения, приведем и аналогичное мнение известнейшего американского политолога Стивена Козна, опубликованное 11.12.1995 в New York Times:

«Политика эта включает в себя внезапный и тайный акт ликвидации СССР в 1991 г., экономическую “шоковую терапию”, которая, как минимум, половину страны поставила на грань нищеты, начиная с 1992 г., и, одновременно, дав толчок невиданной коррупции, позволила обогатиться 5-8 % “новых русских”; разгром в 1993 г. Всенародно избранного парламента, а вместе с ним и всего первого конституционного посткоммунистического режима...».

Режим при таком договоре был вполне демократическим, поскольку не согласные – сознательно или подсознательно – на вхождение в такой общественный договор не преследовались. Но

значительная их часть была уничтожена физически и морально материальными обстоятельствами и смрадной общественной атмосферой «торжествующего нувориша».

Договор Путинских «нулевых» – это «слабая (и слабеющая) защищенность за умеренную (но все возрастающую) лояльность».

В этот период управители перешли к окончательному оформлению обособленной касты, которую мы называем «властью», антагонистичной управляемым («населению»). Населению при этом обеспечивались некоторые экономические и политические свободы в обмен на невмешательство в кооптационный, но слегка прикрытый «демократическими» ширмами, процесс самовоспроизводства этой власти.

Власть, оформившаяся в конце нулевых в плохо организованное преступное сообщество паразитов, представляющих начинку государственного аппарата, никоим образом не связывала свои индивидуальные судьбы с судьбой объекта паразитирования, в результате чего Россия и ее население оказались в режиме «имитационной демократии», призванной тщательно скрывать оккупационный характер псевдогосударственного управления. Но степень воздействия на «инакомыслящих» – той части населения, которая отказывалась быть участницей такого договора – не была еще настолько жесткой, чтобы считать этот режим деспотическим. Причиной такой «мягкости» режима в этот период стал многократный рост цен на энергоносители, позволявший «заливать» деньгами все социальные проблемы и не обращать внимания на самую жесткую критику со стороны инакомыслящих.

В романе «Числа» Виктор Пелевин так изобразил эволюцию общественного договора от советского – к договору нулевых следующим образом:

«– Чубайка, хотите я напомню, как в России началась новая эпоха?

– Попробуйте, Зюзя.

– Сидел русский человек в темном сарае на табуретке. Сарай был старый и грязный и ужасно ему надоел. Русскому человеку говорили, что он сидит там временно, но он в это не верил, потому что помнил – то же самое говорили его деду с бабкой. Чтобы забыться, русский человек пил водку и смотрел телевизор. А по нему шли вести с полей, которые тоже страшно ему надоели...

Однажды телевизор показал огромный светлый дом с колоннами, каминами и витражами, с красивой мебелью и картинами. А потом, Чубайка, на экране появились вы. На вас был этот же самый смокинг и бабочка. Вы попросили зрителя ответить на вопрос, где лучше – в грязном старом сарае или в этом огромном светлом доме?

– И что ответил русский человек, Зюзя?

– Русский человек ответил, что лучше, конечно, в огромном светлом доме. Вы сказали, что такой выбор понятен, но путь туда непрост, и плата будет немалой. И русский человек согласился на эту плату, какой бы она ни была.

– Продолжайте, Зюзя.

– И тогда, Чубайка, вы открыли русскому человеку страшную тайну. За право находиться в этом доме ему придется стать табуреткой самому, потому что именно так живет весь мир, и людей этому обучают с детства...

– Ну и?

– А когда русский человек перекрестился и действительно стал табуреткой, вы объяснили, что в стране сейчас кризис. Поэтому огромных светлых домов на всех не хватит. И ему, то есть как бы уже ей, временно придется стоять в том же самом сарае, где и раньше. Но только в качестве табуретки...

А затем уже без всяких объяснений на табуретку уселась невидимая, но очень тяжелая задница, которая на своем языке разъяснила бывшему русскому человеку, что не следует интересоваться, чья она, потому что у табуреток тоже бывают проблемы. А лучше подумать о чем-нибудь другом. Например, о том, какая у него, то есть у нее, национальная идея...».

И благодаря небывало удачной конъюнктуре, обеспечившей России статус «энергетической сверхдержавы», «табуреткам» нулевых была предоставлена «демократическая» передышка, чтобы вдоволь погрезить о той или иной «национальной идее», забыв о взгромоздившейся на них заднице власти... Эти «грезы табуреток» и стали, затем, в путинские десятилетия основой для дальнейшей «эволюции» общественного договора в сторону полной деградации.

Оккупационный характер власти, окончательно сложившийся в России к десятым годам XXI века («невидимая, но очень тяжелая задница»), имеет следующие черты:

- отождествление себя с государством – при реальном базировании вне государства;
- рассмотрение территория государства с природными ресурсами и всем имуществом как своей собственности;
- управление императивными средствами при минимальном правовом прикрытии;
- цель управления – максимальное собственное обогащение безотносительно декларируемых «интересов государства» (и потому почти всегда – в ущерб общественным интересам).

И, наконец, версия общественного договора («гибридного»), сформировавшаяся в середине «путинских десятых». Ее можно обозначить так: *«Свобода открытого проявления любых низменных эмоций и бесчеловечности населения в обмен на согласие с любыми формами присвоения собственности и произвола власти – при совместном участии населения и власти в международном разбое»*. При этом воздействие на «инакомыслящих» – то есть тех, кто осмеливался протестовать против такой формы договора, стало активным, всеми средствами властного принуждения.

Этот уже общественный договор совершенно криминального и террористического псевдогосударства с деспотическим, учитывая появление в стране десятков политзаключенных, режимом.

4. Слепота либералов

Переход к нынешнему, гибричному, деспотическому режиму не имеет никакого удовлетворительного объяснения со стороны адептов «либерализма», не считая «теории заговора» КГБ – ФСБ, «втерших в доверие» к Ельцину своего ставленника Путина.

Разумеется, ФСБ, как и другие силовые структуры, активнейшим образом участвовало в присвоении властных рычагов, победив в конце концов «олигархов» при помощи внедренного в преемники через недалекого Березовского «крошки Цахеса» («системная ошибка» – как позднее оценивал это сам Березовский). О перепитиях этого процесса рассказал весной 2002 г. в серии интервью, данных Акраму Муртазаеву, Александр Литвиненко – сошлемся хотя бы на пятую главу «Большая война» из его книги «ЛПГ – Лубянская преступная группировка», NY. 2002.

Но не следует забывать, что в течение всех нулевых (не говоря уже о девяностых) – уже наблюдая очевидное склонения режима в сторону деспотии, уже вооружившись, для самооправдания, «теорией заговора», «либералы» продолжали повторять заклинания о том, что «рыночные реформы необратимы» и «точка невозврата к прошлому пройдена». Такова была сила веры в «разгосударствление», «свободу предпринимательства», а самое главное – в Конституцию, провозгласившую Россию «правовым государством».

Но это были именно заклинания, призванные «отогнать» все более явные признаки провала очередного насильственного, а заодно и корыстного «осчастливливания» населения.

Непредвзятый анализ происходящего говорил о другом.

«За восхождением Путина к власти стоят не только прокремлевские олигархи и органы безопасности, которые после 1991 г. усердно работали над тем, чтобы в “патриотическом” свете представить свою роль в российской истории и которые, возможно, предрасположены к использованию “тоталитарной силы”» – писал в 2000 году известнейший американский советолог Стивен Коэн. И еще: «Как мы видели, на протяжении нескольких лет поддерживаемые США российские либералы “мечтали об... энергичном Пиночете”, который бы смог внедрить и защитить то, что они называли экономическими реформами. Активизировав свои поиски на закате президентства Ельцина, они нашли, как им верилось, такого Пиночета в Путине. Как реакция на глубокую травму, испытанную в 90-е гг., настроения масс также изменились в пользу “сильной руки”, хотя в народных “мечтах” такой правитель должен восстановить в стране не только порядок, но и “справедливость”» (Коэн Ст. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М. 2001).

Именно в этом признался недавно, в диалоге с А. Чубайсом, бывший с ним в правительстве «молодых реформаторов» Петр Авен:

«Скажу тебе честно, что я был большим поклонником Пиночета. Сейчас считаю, что это была абсолютно невозможная в нашей стране конструкция. Более того, я считаю, что вообще в нашей стране авторитаризм, избыточное использование административного ресурса — в том числе и так, как делал ты, — это порочный путь. Я считаю, что можно значительно быстрее прийти к демократии, много раз упав, чем пытаясь не упасть ни разу» (<https://snob.ru/selected/entry/131206>).

Таким образом, и обогатившиеся при Ельцине «либералы», и обнищавшее население (более 50% проживали в это время ниже черты бедности) испытывали тягу к грядущей «сильной руке», хотя и по различным мотивам.

Когда «либералы» осознали (но не до конца!) свою ошибку, было уже поздно: созданная Путиным на базе выросших на порядок цен на энергоносители система уже не нуждалась ни в них, ни в населении, ставшем не более чем обременением захваченных ресурсов...

Но если тягу «либералов» к «сильной руке» и можно назвать ошибкой, то со стороны населения это была естественная и единственно возможная реакция на «реформы». И возникла она не на пустом месте и не из-за его, населения, «испорченности».

5. Глухота либералов

Обратимся к тому, что происходило в постсоветский период с идеей «социальной справедливости», интуитивно понимаемой как достижение общественного согласия по вопросу удовлетворения потребностей каждого члена общества.

Еще в эпоху советского деспотического режима, в 1975 году, А.Д. Сахаров так описывал положение с реализацией этой идеи в работе «О стране и мире»:

«Чрезвычайно существенно, что наше общество ни в коей мере не является обществом социальной справедливости. Хотя соответствующие социологические исследования в стране либо не производятся, либо засекречены, но можно утверждать, что уже в 20-30-е годы и окончательно в послевоенные годы в нашей стране сформировалась и выделилась особая партийно-бюрократическая прослойка – “номенклатура”, как они себя сами называют, “новый класс”, как их назвал Джилас. У этой прослойки свой образ жизни, свое четко определенное положение в обществе – “хозяина”, “головы”, свой язык и образ мыслей. Номенклатура фактически неотчуждаема и в последнее время становится наследственной. Благодаря сложной системе тайных и явных служебных привилегий, а также связей, знакомств, взаимных “одолжений”, благодаря большей зарплате эти люди имеют возможность жить в гораздо лучших жилищных условиях, лучше питаться и одеваться (часто за меньшие деньги в специальных “закрытых” магазинах или за валютные сертификаты, или с помощью зарубежных поездок – в наших условиях – особой, высшей формы награды за лояльность). В широких слоях населения существует определенное раздражение как привилегиями номенклатуры, идущими за счет рядовых граждан, так и, в особенности, часто очень чувствительными нелепостями бюрократического стиля руководства».

Это «определенное раздражение» советского общества, о котором упоминал Сахаров, явилось, как мы хорошо помним, основой успеха нового политического лидера – Бориса Ельцина, широкоовещательно объявившего свой курс на «борьбу с привилегиями». Вот как это описано в упомянутой книге «Борис Ельцин» (с цитатой из книги самого Ельцина «Исповедь на заданную тему», 1990):

«Ельцин примкнул к народному эгалитаризму вовсе не из любви к уравниловке и не в поисках дешевой популярности, но потому что, по его же словам, “...пока мы живем так бедно и убого, я не могу есть осетрину и заедать ее черной икрой, не могу мчать на машине, минуя светофоры и шарахающиеся автомобили, не могу глотать импортные суперлекарства, зная, что у соседки нет аспирина для ребенка.

Потому что стыдно”.

Вот это чувство стыда и было главным отличием Ельцина от кремлевских коллег.

Разоблачая кремлевскую “сладкую жизнь”, Ельцин ничего не утрировал, не преувеличивал – скорее по незнанию преуменьшал» (с. 55-56).

В мою задачу не входит подробный разбор того, насколько выбранный Ельциным метод введения рынка – «шоковая терапия» был «безальтернативен», насколько отвечали этой задаче

последующие этапы приватизации; я постараюсь касаться этой темы только в рамках рассмотрения заявленной им первоначальной цели – «похода против привилегий и спецблаг».

Итак, Ельцину было стыдно жить богато, в то время как вся страна живет бедно.

Учитывая это, вполне естественно, что возглавляемый Ельциным Верховный Совет РСФСР принял в апреле 1991 г. Закон «О повышении социальных гарантий для трудящихся», в котором устанавливался минимальный размер оплаты труда, а в ноябре того же года постановлениями Президиума ВС РСФСР были установлены соотношения должностных окладов депутатов, правоохранителей и судей (включая их аппараты) в фиксированных кратностях к этому размеру. Это позволяло надеяться, что разрыв между малоимущими «трудящимися» и высшими чиновниками в России будет хотя бы зафиксирован на каком-то уровне.

Но...

Не прошло и полугодя, как действие этих фиксированных соотношений было навсегда приостановлено, а в октябре 1992-го была введена Единая Тарифная Сетка (ЕТС) для работников «бюджетной сферы», к которой государственные органы ни одной из ветвей власти почему-то уже не относились. Это открыло возможность как угодно «разводить» размеры окладов управляемых – «бюджетников» и управителей. Размер ставки высшего, 18 разряда составлял к 2000 году 83,5 рубля (минимальный размер оплаты труда), а министра – 9000, то есть в 107 раз выше! Это же соотношение к 1992 году было равно лишь 19...

Но на самом деле, это лишь «вершина айсберга» отрыва управителей от управляемых в 90-е, о чем еще будет сказано ниже.

О том, как жилось в это время населению «за МКАДом» известно довольно неплохо – можно почитать старые газеты, печатавшие еще тогда отчаянные письма доведенных до нищеты и голода людей. Вот характерное письмо в «Независимой газете» от 15.08.1998 от неких «А.Михайлова, его дочери и 8 сотрудников КБ», адресованное «гаранту Конституции» «Борису Николаевичу»: «Сколько еще времени будет наша жизнь являть собой подлинное вымирание?»

Вот документальный фильм канала «России 1» «Черный август. Дефолт», где отвечавший в то время за социальную сферу вице-премьер Олег Сысуев делится воспоминаниями:

«Шесть месяцев пенсионеры не получали пенсию... 4-5 месяцев задолженность перед учителями по зарплате...». Вот Ельцин, возмущающийся (кем?): «Когда правительство не может платить своим людям пенсию – а у нас это 37 миллионов человек, это аморально!»...

Выбранный курс – «шоковые» экономические реформы, целью которого было создание «рынка», не только не привел к созданию «среднего класса» (метафоры стабилизирующей общественной середины любого современного общества), но и создал неслыханное ранее расслоение по уровню доходов.

Процитируем работу академика Заславской Т.И. «Российский социум на рубеже веков» («Общественные науки и современность». 2004. № 5, 6):

«Важным результатом институциональных реформ стало многократное увеличение социальных дистанций, разделяющих иерархические слои общества, углубление экономической и социальной поляризации общества. В начале 1991 г. денежные доходы 20% самых обеспеченных советских семей России превышали доходы 20% наименее обеспеченных в 2,8 раза, а в 2001 г. этот разрыв составил 8 – 9 раз. Согласно же специальным расчетам, направленным на полный учет теневой составляющей экономики, данный показатель равен 13,6. А разрыв в доходах массовых слоев и верхушки российского общества приблизился к 30 разам. За годы реформ в стране успела сформироваться специфическая культура бедности, циклически замкнутая на собственное воспроизводство и не формирующая у молодых поколений достигательных установок и ценностей. Рост социальной дифференциации происходил на фоне падения реальных доходов населения. В 1992 – 1995 гг. средняя реальная заработная плата россиянина снизилась в 3 раза, а средний денежный доход – в 2 раза. Причем эти процессы сопровождались беспрецедентным ростом неплатежей по заработной плате, пенсиям и социальным пособиям. В 1996 – 1997 гг. наметилась некоторая тенденция к росту доходов, но финансово-экономический кризис 1998 г. прервал ее. Последующие годы ознаменовались улучшением ситуации, но в декабре 2001 г. средний уровень

реальной заработной платы россиян все еще составлял 41%, а реального душевого дохода – 52% от уровня декабря 1991 г.» (ссылки на использованные источники в данной цитате опущены).

Но тогда, в девяностые, не российские «либералы», а американские политологи осознавали, какие последствия может все это иметь.

Вот что писал об этом уже цитировавшийся здесь Стивен Козн в 1996 г., после очередной «победы» Ельцина, в статье «Переходный период или трагедия?»:

«Отмечая сегодня пятую годовщину кончины Советского Союза, мы не слышим в американских комментариях по поводу этого события ничего о той подлинной национальной трагедии, которая разворачивалась в эти годы в России. Вместо этого нам твердят об успехах России в процессе “перехода к рыночной экономике и демократии”, несмотря на некоторые “неровности пути”. В доказательство приводят массовую приватизацию, появление финансовых рынков, низкую инфляцию, “стабилизацию”, признаки наступающего экономического “взлета”, прошедшие в этом году президентские выборы, действующий парламент и “свободную прессу”.

Мало кто из комментаторов может пояснить, что в действительности стоит за этими “достижениями”. Что возникший в России частный сектор представлен в основном бывшими, но всё ещё действующими советскими монополиями во главе с бывшими же коммунистическими функционерами, составившими ядро полукриминального российского “бизнес-класса”. Что рост инфляции сдерживается за счёт месяцами не выплачиваемых зарплат десяткам миллионов нуждающихся рабочих и служащих. Что экономический “бум” обещают уже многие годы, в то время, как экономика продолжает погружаться в депрессию сильнее и глубже той, что пережила Америка в 30-е гг. Что кампания перевыборов президента Ельцина была одной из наиболее коррумпированных в современной европейской истории. Что парламент не имеет реальной власти, а апелляционный суд почти полностью зависит от президента. И что честной конкуренцией и подлинной свободой не может похвастать ни российский рынок, ни российское телевидение, потому что и то, и другое контролируется теми же финансовыми олигархами, которые сидят нынче в Кремле и определяют политику ельцинского режима.

Однако, с точки зрения человеческого измерения, это всё не так важно. Важно то, что для огромного большинства российских семей нет никакого “перехода”, а есть один сплошной крах жизненно важных вещей: от реальных зарплат, социальных гарантий и здравоохранения до уровня рождаемости и продолжительности жизни; от промышленного и сельскохозяйственного производства до образования, науки и культуры; от безопасности дорожного движения до борьбы с организованной преступностью и коррупцией; от вооруженных сил до ядерной безопасности. Такова действительность, лежащая в основе “реформы”, которую американские комментаторы продолжают превозносить как единственно возможную и желанную» (указ. соч.).

А вот Збигнев Бжезинский, американский политолог, социолог и государственный деятель, в книге «Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы» (2010):

«К концу 1992 года было выделено свыше 3 миллиардов долларов для продовольственных и медицинских грантов, свыше 8 миллиарде долларов на сбалансирование платежного баланса и почти 19 миллиардов долларов экспортных и других кредитов и гарантий. Большая часть этих денег была просто украдена.

В то время как прославляли Ельцина, а Америка и Европа заключали в объятия Россию с ее политическим хаосом, увидев в нем братскую демократию, российское общество погружалось в беспрецедентную бедность. К 1992 году экономические условия уже были сравнимы с тем, что было в годы Великой депрессии. Еще больше ухудшала дело целая стая западных, большей частью американских, экономических “консультантов”, которые слишком часто вступали в сговор с российскими “реформаторами” в целях быстрого самообогащения путем “приватизации” российской промышленности и особенно энергетических ресурсов. Хаос и коррупция превращали в насмешку российские и американские заявления о “новой демократии” в России. Реальные последствия коррупции сказались на российской демократии уже немалое время спустя после того, как истекло пребывание Буша у власти».

Но занятая присвоением ресурсов, «либеральная элита» вместе с обслугой из «творческой интеллигенции» категорически не признавали за населением права на одну из базовых либеральных ценностей: права жить по-человечески, зарабатывая честным и востребованным обществом трудом. В

слове «справедливость» ставшие у руля «либералы» и их вдруг выбившаяся в высокооплачиваемые слои интеллектуальная обслуга стали видеть угрозу своему «рыночному» благополучию; справедливость так и была объявлена «главным препятствием» Юлией Латыниной в статье «Атавизм социальной справедливости» («Век XX и мир», 1992, № 5): «Среди всех препятствий, стоящих на пути человечества к рынку, главное – то, которое Фридрих Хайек красноречиво назвал "атавизмом социальной справедливости"».

Ну, а известный литератор и культуролог Вячеслав Курицын, ни малейше не смущаясь, опубликовал в журнале «Октябрь» (1998, № 10) свое эссе с такими вот сентенциями:

«...Признаться, не страдаю оттого, что имею возможность провести отпуск где хочу и когда хочу, а мой соотечественник шахтер режет вены, не имея возможности купить детям хлеба. Во-первых, это в лучшем случае бесполезно. Во-вторых, наблюдая за тем, как двадцать процентов населения страны – слабые, больные, старые и просто несчастные – жестоко выдавливаются из жизни в завшивленный подвал и неглубокую могилу, учишься быть честнее: значит, эта лодка не вынесла сейчас больше народу, и следует заботиться не о чужих далеких, а о своих – о тех, кто вокруг. В-третьих, есть хорошая прививка от социальных страданий: представить на секунду, что тебя не стало»...

6. Номенклатурный реваниш

Умышленный и демонстративный отказ реформаторов от каких-либо ориентиров на интуитивно понимаемую «социальную справедливость» – именно это и стало главной причиной как неприятия «рыночных реформ» населением, так и трагического разворота от демократических ценностей в сторону «сильной руки».

А ведь великий Сахаров, в работе «Неизбежность перестройки» (в сб. «Иного не дано» под ред. Юрия Афанасьева. Прогресс, М., 1988) выдвинул среди задач перестройки для «нравственного здоровья общества» как важнейшую (причем, развернуто) именно «социальную справедливость»:

«О чем же я думаю, что жду от перестройки?

Прежде всего – о гласности. Именно гласность должна создать в стране новый нравственный климат! Общеизвестно, что в этой сфере мы шагнули дальше всего...

Другая, не менее важная основа нравственного здоровья общества – социальная справедливость. Тема эта широкая и многосторонняя, я уже писал о таких ее аспектах, как привилегии элиты, уровень зарплаты и пенсий, социальное равноправие. Коснусь тут одного частного вопроса. По-видимому, неизбежно упорядочивание системы цен в соответствии с экономическими законами, в частности повышение цен на продукты питания. Люди с низким уровнем дохода на члена семьи должны получать компенсацию. Наиболее справедливой, на мой взгляд, является выдача 30-40% населения талонов на бесплатное приобретение части продуктов питания с тем, чтобы для этих менее обеспеченных людей скомпенсировать повышение цен. По-видимому, значительная часть существующих сейчас государственных дотаций на продукты питания должна быть использована для этих талонов. Остальная часть суммы дотации пойдет на другие формы компенсаций или останется в государственном бюджете. Если общая сумма дотаций в год составляет 60 млрд. рублей (точных цифр я не знаю), то выдача 100 млн. граждан талонов на 50% этой суммы составит 25 рублей в месяц на человека (в среднем), что должно скомпенсировать потери от повышения цен. Необходимо также скомпенсировать для менее обеспеченных граждан увеличение квартплаты и некоторых других статей расхода. При этом чисто денежные формы компенсации, особенно на продукты питания, не являются, на мой взгляд, приемлемыми. Ведь многие, особенно молодежь, а она составляет значительную долю плохо обеспеченных людей, при этом будут тратить деньги на одежду и т.п. и просто голодать. Поэтому я писал о талонах, вероятно, нужно какое-то комбинированное решение».

Слово «талоны» для российских «либералов» – это символ ненавистного «совка»; а ведь такие талоны для малоимущих введены во многих странах с высоким уровнем рыночных отношений – в США, например. Но Сахаров умер, а другие демократы-идеалисты не смогли осознать опасность грядущего термидора... И на сцену выступили... **большевики**.

От идеи «социальной справедливости», волновавшей Сахарова, не осталось и следа.

Происходящее воспринималось после переворота октября 93 года уже как неизбежность, но еще ранее это прозрел Дмитрий Фурман, видный историк, философ и политолог, в событиях второй половины 91-го. Вот как он описал это в статье «Победа демократов: поражение демократии?» («Век XX и мир, 1991, № 11):

«Произошло то, что происходило в истории тысячу раз, начиная с эволюции раннего христианства, кончая эволюцией большевиков. Идущее к власти движение постепенно отодвигает на задний план свои идеалы и принципы. Средства для реализации его целей – власть, влияние на массы – становятся для него истинными целями».

(А после этого шло: «При этом, побеждая и подчиняя себе массы, оно само подчиняется массам – их сознанию, их предрассудкам» – что мы увидели уже при путинском правлении.)

Возглавляемая Ельциным властная элита сумела не только выйти после переворота октября 1993 г. из-под сколь-либо реального общественного контроля, но и успешно обособилась в ту же номенклатурную касту, которую как бы собиралась упразднить. Этот отрыв был запечатлен в фольклоре того времени в виде следующего диалога: «Идет Ельцин по Красной площади. Стоит нищенка, просит подаяние: Подайте, Борис Николаевич! – Как же я тебе подам, понима-а-ашь... Ведь у меня ни мячика, ни ракетки!»...

Обнаружив себя в качестве табуреток для невест откуда взявшихся жирных задниц, население, в большинстве своем, вполне логично стало рассматривать «демократию», «рынок» и «свободу» – как воровские отмычки. Для восстановления доверия к этим понятиям потребуются теперь десятилетия... Так спецслужбы дождались своего часа.

Бывший экономист-реформатор и «гайдаровец» Андрей Илларионов вынужден был признать: **«Экономические реформы, которых многие граждане страны так ждали, так поддерживали, в которых сами собирались участвовать, оказались совсем не теми, на которые надеялись люди, не теми, какие были обещаны реформаторами, не теми, о каких объявили российские власти осенью 1991 года... Лишь в небольшой степени проведенные реформы оказались либеральными. Причем либеральными во многом не столько для граждан страны, сколько прежде всего для властей, для госаппарата, для бюрократии...»**

Е. Гайдар действительно смог легализовать рыночные отношения в России. Но тем, что и как он делал и какую политическую позицию занимал, он как минимум на поколение уничтожил массовую политическую поддержку российских либералов и демократов. Если он и оказался спасителем и освободителем, то прежде всего “спасителем” циничной власти, государственной бюрократии, спецслужб, “освободителем” нашей страны, по крайней мере, на какое-то время, от “угрозы” либерально-демократической альтернативы» (А. Илларионов. Трудный путь к свободе // Континент. 2010. № 146).

7. Рыночный большевизм

Остановимся поподробнее на том, почему дело не в ошибках Ельцина и окружавших его реформаторов, а в их мировоззрении, предполагающем веру во всемогущество рыночных отношений и правовой нигилизм, основанный на идеологии примата целей над средствами для их достижения.

И ведь все это нельзя было не заметить с самых первых шагов новой российской государственности.

«Мы легко готовы закрыть глаза на то, что упразднение СССР было совершенно противозаконной акцией республиканских властей, как и последующий “отзыв” ими союзных депутатов, – писал я в начале 1992 года, – но неужели, вдобавок, поверим, что это – первое и последнее “исключение из правил”? А “обвальная приватизация”, также попирающая закон под флагом необходимости? И ведь не какие-нибудь это стараются беззаконники-партократы, а самые что ни на есть демократы-рыночники...» (Новое русское слово, 24 марта 1992 г.).

Поверили...

И переворот октября 93-го года был воспринят нашими «духовными пастырями» – почти всей «творческой интеллигенцией» как «победа демократии». Лишь Андрей Синявский имел смелость написать:

«Я слишком хорошо помню, как терялись Россией декларируемые в 17-м году свободы, как закрывались неугодные газеты, вводилась цензура, запрещались оппозиционные партии, а интеллигенция, моя любимая интеллигенция, все оправдывала, и сам Сталин ездил попить чайку с Горьким и обсудить, что же делать дальше. "Если враг не сдается, его уничтожают", – прошелестел великий старик.

Друзья не соглашались: это, говорят, временно, вот, говорят, придавим оппозицию и начнется демократия. Но ведь Ленин, напоминая, прикрывал газеты тоже временно, и нет ничего более постоянного, чем временные постройками...

Сегодня почти все сердца отданы Ельцину. Почему? За что? Какие за ним добрые дела? Он пришел на расчищенное (или полурасчищенное) горбачевской командой поле и посеял на нем экономическую реформу Гайдара. Урожай? Падение общего уровня жизни в стране (по самому скромному подсчету) в 20 раз. Подавляющая часть населения отброшена на паек военного времени, а на фоне такого массового обнищания сколачиваются миллионные состояния разнообразных мафиози этого колоссального черного рынка. Но экономические реформы Ельцина – Гайдара привели и к серьезным политическим последствиям: если еще осенью 91-го года коммунисты и патриоты кучковались по углам и были фигурами в основном комическими, то сейчас их популярность заметно возросла – еще бы: они опять становятся народными заступниками.

Сегодня происходит самое для меня ужасное: мои старые враги начинают иногда говорить правду, а родное мне племя русских интеллигентов, вместо того чтобы составить хоть какую-то оппозицию Ельцину и этим хоть как-то корректировать некорректность его и его команды правления, опять приветствует все начинания вождя и опять призывает к жестким мерам.

Все это уже было. Так начиналась советская власть» (Независимая газета. 13.10.1993).

Идеология новой редакции большевизма – в «рыночной» упаковке была освещена Дмитрием Фурманом в работе «Перевернутый истмат? От идеологии перестройки к идеологии строительства капитализма в России» («Свободная мысль», 1995, №3):

«В громадном количестве появившихся в последние годы статей... как аксиома, говорится о том, что основа демократии – наличие мощного класса частных собственников...

Однако прежде всего примат капитализма в нашем демократическом сознании виден в реальных действиях наших демократов... То, что большинство из них пошло на установление в октябре 1993 года фактически авторитарного президентского режима, объясняется отнюдь не только карьеристскими и корыстными соображениями и не только страхом перед «красно-коричневыми», но и соображениями вполне бескорыстными и идейными – верой в то, что обладающему авторитарной властью президенту-«реформатору» легче будет проводить рыночные реформы и тем самым – создавать самую основу демократии...

Напротив... для американского либерала рынок – это сфера, за которой демократическое общество должно пристально следить, чтобы его бесконтрольность не привела к аморальным и антидемократическим следствиям, способным подорвать демократический правопорядок...

Смысл переходного периода для наших антикоммунистов-демократов, как и для марксистов-ленинцев, – изменение отношений собственности... Прекрасное общество будущего – это опять-таки общество с «правильной формой собственности», естественным следствием которой должны стать свобода, богатство, счастье и т.п...

Очень характерно, что во всех наших бесконечных рассуждениях о капитализме и его преимуществах почти не присутствуют Макс Вебер и вся громадная, порожденная им «веберовская» научная традиция... Дело в том, что веберовские идеи о становлении капитализма глубоко противоречат нашей схеме «перевернутого марксизма». По Веберу, не капитализм порождает соответствующее ему сознание, а определенный тип сознания, возникший в протестантской Европе, порождает «свободный рынок»... наряду с современной наукой, отделением религии (и идеологии) от государства, правовым демократическим обществом...

Если идеология ранней перестройки была «туманна»... то идеология «перевернутого марксизма» указывала простой и ясный путь. И действительно, выработать уважение к праву и высокую трудовую мораль – неизмеримо труднее, чем денационализировать государственную собственность. Но этот простой и ясный путь в громадной мере был путем «не туда»...

Сейчас, мне думается, уже ясно, что наша рыночная экономика так же не удалась, как не удалась и наша демократия, а оба эти слова стали едва ли не ругательствами для миллионов наших

соотечественников. Основа наших неудач – не в тех или иных экономических просчетах. Основа – идейная, моральная, правовая. Нельзя создать успешной рыночной экономики, если слова “честный труд” произносить стало смешно и неприлично... Нельзя создать такой экономики, если в обществе нет правопорядка, экономические отношения регулируются неправовым путем и государство само подает пример неправового и нечестного поведения. Нельзя создать такой экономики, если в глазах народа (а в громадной мере так и есть на самом деле) вся частная собственность – наворованная и, следовательно, нелегитимная...

Задачи, которые сейчас стоят перед нашей страной, кажутся мне даже более сложными, чем те, что стояли в период перестройки».

Провал перехода к демократическому режиму был предопределен именно этим – принятием на вооружение реформаторами идеологии «рыночного большевизма» – со всеми свойственными «большевизму» пороками: аморализмом, диктатом и спешкой. Удивляться тут особенно нечему – возглавляли этот процесс люди, глубоко впитавшие всем советским опытом идеи о «базисе» и «надстройке» и для которых потому вопрос перехода к демократии состоял лишь в «правильном» выборе «базиса». А «социальная справедливость» – она была из «надстройки» при предыдущем, «неправильном», социалистическом большевистском базисе. И должна была быть с ним похоронена...

8. Рыночная номенклатура

С позиции «рыночного большевизма» понятие «рыночная номенклатура» – это некий оксюморон – ну никак это не должно было произойти при «правильно» выбранном «базисе»! Но именно это и произошло – причем совершенно естественным образом.

Если от установления «правильного» «базиса» зависит все последующее благоденствие – значит, необходимо установить его как можно быстрее. А чем обеспечить требуемую скорость? Конечно, максимальными полномочиями для самого главного в реформе лица – Президента.

Такова была нехитрая мысль реформаторов, таковы были первые же шаги поверившего в эту идею высшего органа государственной власти РСФСР – Съезда народных депутатов РФ, давшего своим постановлением от 1 ноября 1991 г. № 1831-1 «О правовом обеспечении экономической реформы» (названной в этом постановлении «радикальной») указам Президента, «принятым в обеспечение экономической реформы в РСФСР» право приоритетного исполнения по отношению к действующим законам.

Вот как охарактеризовал это начало восстановления в России «указного права» профессор Окуньков Л.А. в своей статье «Указы Президента РФ и проблемы их совершенствования»:

«...На основе указов законодательного характера происходит фактическое соединение в одном лице власти законодательной и исполнительной. При подобной организации власти, как утверждал Монтескье, свободы не будет, так как весьма вероятно, что обладающий такими правами монарх (применительно к российской ситуации – Президент) "станет создавать тиранические законы для того, чтобы также тиранически применять их"» (Л.А. Окуньков // Законодательство. 2000. № 12).

Указное право – это яркое проявление большевизма – стало для Ельцина и его окружения «священным правом», ограничить которое они уже не позволили никому. Именно попытка Съезда народных депутатов взять назад данные за год до этого Президенту полномочия (после грандиозного провала всех продекларированных им в ноябре 1991 г. якобы грядущих уже через полгода экономических успехов реформ) и вызвала его жесткую конфронтацию с парламентом. А уж после переворота октября 1993 года процесс «окукливания» президентской власти, вызвавший изменение морфологии всей системы государственного управления, развернулся во всей своей полноте.

Основу этому процессу предоставила новая Конституция РФ, в которой из ничего, в противоречие самой же Конституции, была введена новая, высшая ветвь власти – Президент. В отличие от предыдущей Конституции, по которой Президент являлся главой исполнительной власти, по новой он являлся «главой государства» и, согласно ст. 11, являлся четвертой по счету властью. Причем, этому виду власти явно отводилось главенствующее значение, исходя хотя бы из порядка следования посвященных федеральным властям глав Конституции, а также из того, что к полномочиям Президента было, например, отнесено назначение всего огромного корпуса федеральных судей (кроме

высших), после чего продекларированная той же Конституцией независимость судей становилась фикцией. И Ельцин в полной мере развернул «указное правотворчество», дав ему соответствующее обоснование: «Указы Президента – это акты не главы исполнительной власти, а главы государства. Другими словами, их абсолютно подзаконный характер не очевиден» (Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 16.02.1995). А «прирученный» после переворота Конституционный Суд РФ подтвердил эту практику в своем постановлении от 30.04.1996 г. № 11-П... (См. на эту тему: Лукьянова Е.А. Указное право как российский политико-правовой феномен // Журнал российского права. 2001. № 10 С. 55-67.)

Так была заложена «правовая» основа для перерождения режима. И если «рыночная экономика» так и буксовала и никак не могла вырваться из монополистической парадигмы, то перерождение режима после переворота 93-го года шло необычайно успешно.

Указом Президента РФ от 02.08.1995 г. № 797 был образован ни больше ни меньше как новый «федеральный орган исполнительной власти, подведомственным Президенту Российской Федерации» – Управление делами Президента РФ. Разумеется, сделано это было в нарушение Конституции, поскольку образование такого органа относится к ведению Российской федерации (ст. 71 «г») и должно поэтому регулироваться законами (ст. 76 ч. 1).

Данный орган государственной власти возник из Главного социально-производственного управления Администрации Президента РФ – структурного подразделения «рабочего аппарата созданного для обеспечения деятельности Президента Российской Федерации и вице-президента Российской Федерации, реализации конституционных полномочий Президента Российской Федерации» – как первоначально определялась Администрация Президента РФ (Указ Президента РФ от 22.02.1993 г. № 273), прежде чем ей тоже суждено было стать «федеральным органом государственной власти» (Указ Президента РФ от 28.07.1995 г. № 773).

Каким же образом «социально-производственное управление» должно было «обеспечивать реализацию конституционных полномочий Президента»?

Указ Президента № 273 возлагал на это Управление ни больше, ни меньше как «материально-техническое и социально-бытовое обеспечение деятельности руководителей федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации, а также сотрудников Администрации Президента Российской Федерации и Аппарата Совета Министров – Правительства Российской Федерации»! Плюс – указ также предусматривал «Медицинское и санаторно-курортное обслуживание указанных работников возложить на Медицинский центр при Правительстве Российской Федерации»...

Очевидно, это было не просто первым шагом по возвращению системы привилегий, но и основой создания целой системы «покупки лояльности» президентскому окружению всего государственного аппарата. И через 2,5 года Указ Президента № 797, которым «социально производственное управление» превратилось в Управление делами Президента РФ, этому органу был определен уже следующий, необъятный круг задач по обслуживанию управителей:

- а) финансовое, материально – техническое и социально – бытовое обеспечение обслуживаемых органов, сотрудников аппаратов;**
- б) финансирование расходов на содержание представительств Президента Российской Федерации в регионах;**
- в) финансирование, материально – техническое обеспечение и обслуживание совещаний, конференций и других специальных мероприятий, проводимых Президентом Российской Федерации, палатами Федерального Собрания, Правительством Российской Федерации, Администрацией Президента Российской Федерации, Счетной палатой Российской Федерации, за исключением финансирования;**
- г) оказание услуг по организации капитального строительства и обеспечение деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, Счетной палаты Российской Федерации за счет средств федерального бюджета, предусмотренных на финансирование этих органов;**

- д) обеспечение общественного питания, оказание физкультурно – оздоровительных, культурно – просветительных и иных необходимых социальных услуг в служебных зданиях обслуживаемых органов;
- е) создание надлежащих условий для отдыха должностных лиц и сотрудников аппаратов в подведомственных санаториях, домах отдыха и пансионатах;
- ж) организация деятельности подведомственных детских дошкольных учреждений, оздоровительных лагерей;
- з) организация на подведомственных и иных предприятиях производства необходимой продукции, строительство и реконструкция производственных зданий, жилых домов и объектов социально – бытового назначения, ремонт оборудования, транспортных средств, производственных зданий, оздоровительных учреждений и других объектов».

Отмечу, что «обслуживаемы органы и сотрудники аппаратов» – это Администрация Президента, Правительство, палаты Федерального Собрания, Конституционный, Верховный, Высший Арбитражный суды, Счетная палата, Центральная избирательная комиссия, Служба безопасности Президента, депутаты (члены) палат Федерального Собрания, судьи Конституционного, Верховного, Высшего Арбитражного судов, а также сотрудники аппаратов указанных федеральных органов государственной власти. То есть, **вся высшая власть России оказалась «подвешенной» на крючке привилегий, регулируемых незаконным и никому, кроме Президента, не подотчетным федеральным органом!** (Кстати, именно в этом органе в должности Заместителя управляющего делами Президента РФ Павла Бородин начал в августе 1996 г. свою московскую карьеру Путин.)

Как все это соотносилось с построением рыночной экономики? Мы можем понять, что в советской административно-командной и распределительной системе существование номенклатуры было вполне закономерным и даже официальным, но в рыночной?..

Вспомним слова Ельцина из «Исповеди на заданную тему» (1990):

«Мы уйдем, и, надеюсь, навсегда от кастово-номенклатурного способа распределения благ к цивилизованному, где единственным мерилем всех материальных ценностей будет заработанный рубль»...

Никакого оправдания этому воссозданию привилегированной касты управляющих, разумеется, нет. Однако нужно попытаться понять мотивы, которые лежали в основе этого уродливого развития.

Первым приходит на ум, что это не более чем неловкая попытка создать дополнительную заинтересованность управляющих в «честной работе», помочь им противостоять возможным подкупам со стороны бизнеса. Ведь их должностные оклады, которые мы упоминали, были не так уж велики... если сравнивать с доходами «директорского корпуса» и «новых русских».

Однако к этим окладам были предусмотрены всевозможные «надбавки»! Указ Президента РФ от 09.04.1997 г. № 310 «О денежном содержании федеральных государственных служащих» вводил следующие их категории:

- ежемесячно за квалификационный разряд (4 оклада в год);
- за особые условия государственной службы (2,4 оклада в год);
- за выслугу лет (от 1,2 до 3,6 оклада в год в зависимости от стажа);
- премии за результаты работы (исходя из результатов, без ограничений, 3 оклада в год на каждого в фонде зарплаты);
- материальная помощь (до 2 окладов в год).

Этими надбавками зарплата федеральных госслужащих увеличивалась вдвое! При множестве бесплатных услуг в специальных подразделениях...

Но даже и это – тоже «вершина айсберга»...

9. Номенклатурные «гетто»

Через Управление делами президента была организована раздача «в наем» огромных по площади элитных квартир с фактическим правом их последующей приватизации. Порядок, в котором это осуществлялось, был определен в Указе Президента РФ от 14.02.1997 № 108 «О порядке

предоставления жилой площади, находящейся в ведении Управления делами Президента Российской Федерации», текст которого, по номенклатурной традиции, до сих пор не доступен простым смертным.

На сайте newtimes.ru (№ 42 от 16.12.2013) есть статья Олега Ролдугина «Москва чиновная», повествующая, как все это происходило (<https://newtimes.ru/articles/detail/76009>).

Мы же пока обратимся к книге «Борис Ельцин: от рассвета до заката» (1997) – бывшего руководителя Службы охраны президента А.В. Коржакова, в которой он описал, как начинался этот процесс:

«Оказавшись в Москве после Свердловска, Борис Николаевич получил квартиру в доме на Тверской улице. Вскоре дом стал известен многим – около подъезда собирались сторонники Ельцина, приходили журналисты, совещания перед выборами в Верховный Совет мы устраивали там же.

Жил Ельцин на четвертом этаже в просторной квартире...

В таких квартирах с двумя туалетами, огромными, по советским меркам, кухнями и лоджиями жили только высокопоставленные члены партии и правительства. И когда после путча возникла необходимость поменять дом, найти новое, равноценное жилье оказалось не так-то просто.

Квартира на Тверской была прежде всего неудобна с точки зрения безопасности...

Другая проблема, связанная с переменой места жительства Ельцина, это “зоркое око” коммунистов, усиленное пристальным взглядом Хасбулатова. И хотя все оппоненты обитали в таких же комфортабельных домах, никто бы из них не приветствовал новых жилищных потребностей Бориса Николаевича. Ведь в 92-м году облик демократов хоть внешне соответствовал названию...

И президент решил: будем жить здесь, на Осенней улице, все вместе...

Весной 92-го года Михаил Барсуков поехал в Сочи — Борис Николаевич проводил там отпуск. Показал планировки квартир, и члены семьи Ельцина чуть не повздорили — каждый видел расположение комнат в квартире по-своему. Наконец определились. Борис Николаевич решил одну квартиру, этажом ниже, отдать семье старшей дочери Елены, а две квартиры верхнего этажа соединить в одну. Через спальню строители их объединили, и вышло метров двести восемьдесят квадратных.

Я предложил:

— Заберите весь этаж, если хотите.

Но они поскромничали. Семья Тани стала жить с родителями, а Лена с мужем и детьми, как и решил папа, поселилась под ними.

Затем Ельцин сказал:

— Подготовьте список жильцов.

Он считал: раз дом президентский, то в подъезде обязательно должна быть общая квартира — в ней Борис Николаевич хотел устраивать всеобщие торжества. Эта тяга к коммунальным отношениям и хозяйству сохранилась, видимо, со свердловских времен...

Начали составлять списки будущих жильцов: Коржаков, Грачев, Барсуков, Черномырдин, Баранников, Тарпищев, Суханов, Юмашев...

Как только наши соратники узнали, что президентский дом готов к заселению, ко мне стали приходить просители. Шахрай сказал, что ему кто-то постоянно угрожает, неизвестные личности третируют жену и она не может даже спокойно гулять с детьми. А детишки маленькие...

Потом от Гайдара пришли гонцы. На разведку. Вскоре на каком-то совещании Гайдар подошел ко мне сам и стал жалостливым голосом просить:

— Александр Васильевич, нельзя ли поговорить с Борисом Николаевичем и его уговорить? А то я живу на первом этаже, мне так опасно.

— Ваше желание естественно, — отвечаю ему, — вы же исполняете обязанности премьер-министра. Я Борису Николаевичу скажу, но было бы неплохо, если бы вы сами об этом попросили.

Действительно, он шефу высказал просьбу, и Ельцин меня спросил, как я отношусь к Гайдару-соседу.

— Ну что же, раз мы все в одной лодке гребем, давайте вместе жить, — рассудил я.

Хотя ни близких, ни приятельских отношений с Гайдаром у меня никогда не было, но мы все были романтиками, надеялись, что подружиться, а “перестройка”, реформы будут продолжаться вечно...

Соседями по дому стали мэр Москвы Юрий Лужков и первый вице-премьер столичного правительства Владимир Ресин. Их пригласил Ельцин. Сначала они оба деликатно отказывались, но потом переехали.

После заселения несколько квартир оказались незанятыми. Очень просился Казанник, тогда он был Генеральным прокурором России. Ельцин испытывал благодарность к нему за мандат, который Казанник отдал Борису Николаевичу во время первого съезда народных депутатов СССР. Доложили, что Казанник уже и мебель стоимостью почти в 80 тысяч у. е. привез в одну из пустых квартир. Но не распаковал, ждал решения президента. А тут случилась амнистия для участников событий 93-года. Казанник повел себя в этой ситуации странно, в сущности, подвел президента, Ельцин ему в квартире и отказал. Эксгенеральный прокурор уехал в родной Омск. Мебель тоже куда-то исчезла.

В итоге в свободные квартиры въехали Олег Сосковец и Павел Бородин. А Виктор Степанович Черномырдин стал моим соседом по площадке — наши двери расположены напротив друг друга.

Борис Николаевич устроил тогда коллективное новоселье в Доме приемов на Ленинских горах. Весело было. Все пришли со своими семьями. Прекрасно поужинали. Играл президентский оркестр, и мы танцевали. Поздравили друг друга с удачным бесплатным приобретением.

Егор Гайдар, так страстно исповедовавший идеи рынка, от бесплатной раздачи жилья тоже был в восторге».

Вот так, провластвовав 3-4 года, идеологи «заработанного рубля» как «единственного мерил» всех материальных ценностей» вдруг вернулись, но уже на новом, пожизненно-наследственном уровне к «кастово-номенклатурному способу распределения благ»...

Что было дальше?

«К концу 90-х квартиры от Управления делами президента получали уже до двух с половиной тысяч человек в год. Ареал расселения во многом повторял брежневские традиции: Центральный округ, юго-запад, запад столицы — на карте отчетливо видно, что восток и север чиновников не прельщали» — указывает в упомянутом исследовании Олег Ролдугин. И перечисляет, какие «чиновничьи гетто» стали заполнять столицу.

Вот только начало этого перечисления:

«Так, в ЦАО в 1998-м был выстроен по индивидуальному проекту дом по адресу: Трехгорный вал, 12, стр. 2, — его называли “депутатским”, хотя из депутатов там — разве что Станислав Говорухин. Под одной крышей с ними оказались тогдашний министр юстиции Павел Крашенинников, сельскохозяйственный министр Алексей Гордеев, руководитель Департамента отраслевого развития правительства Владимир Ампилов и прочая номенклатура второго ряда. Четырехкомнатная квартира в 200 метров здесь и сегодня идет по \$3 млн.

На Тихвинской, 4, в районе Новослободской (тоже Центральный округ) поселились судьи Конституционного (включая его председателя Валерия Зорькина) и Верховного судов, заместители руководителя администрации Бориса Ельцина и его помощники. Позже, впрочем, ненадолго, здесь обосновались и путинские министры — Рашид Нургалиев (министр внутренних дел с 2004 по 2012 г.) и Леонид Рейман (министр связи с 1999 по 2008 г.), главный президентский психотерапевт Алла Радченко и прочие крупнокалиберные лица. И даже Дмитрий Медведев, который в ноябре 1999-го был назначен замруководителя аппарата правительства...

Сам Владимир Путин перебрался в Москву из Питера во второй половине 1990-х... Сначала, как рассказывают, он ютился у будущего премьера, потом главы разведки Михаила Фрадкова, а позже, став сотрудником Пал Палыча Бородина (он отвечал за советскую собственность за рубежом), поселился в доме Управления делами президента на юго-западе — улица Академика Зелинского, 6...

Несколько лет назад домушники даже «распечатали» здесь квартиру Анатолия Чубайса. “Раньше, говорят, за домом ФСО присматривала, а теперь...” — поделилась с автором одна из местных жительниц. Однако риелторы по-прежнему напирают: “Дом Управления делами президента. Престижное место. Красивый подъезд с просторными холлами. В холлах специальные шкафы для хранения вещей (каждой квартире принадлежит свой шкаф-кладовая). Солидные соседи. Элитное окружение...”.

В Центральном же округе, в Хамовниках, появился и другой дом — по адресу: Несвижский переулок, 12, корп. 1. Здесь в 1999-м обосновалась Валентина Матвиенко, в то время вице-премьер

по социалке, а ныне глава Совета Федерации: четыре комнаты общей площадью 209,8 кв. м и стоимостью около 150 млн рублей...

Среди соседей были семьи Виктора Геращенко (он тогда возглавлял ЦБ), Сергея Степашина (до недавнего времени – председатель Счетной палаты), Сергея Кириенко (премьер дефолта 1998 года, а ныне глава Росатома). Уже во время второго срока Путина, в апреле 2007 года здесь поселился и сын Владимира Кожина, который сменил на посту начальника Управления делами президента могущественного Бородин: согласно кадастру, Игорю Кожину здесь принадлежит семикомнатная квартира в 302,5 метра»...

Перечисляя, далее, фантастическое изобилие и роскошь московских мест проживания управителей уже при Путине (в частности: «Управление делами завершает один из своих проектов на Старовольинской улице, 15, неподалеку от места, где находилась одна из резиденций Сталина. В этом жилом комплексе “Ближняя дача” квартиры уже идут с молотка по средней цене \$ 3 млн каждая: “Эксклюзивное предложение. Безупречный пентхаус с дорогой отделкой. Шестиметровые потолки. Единственный в Москве уникальный дровяной камин. Мозаика Sicis из оникса и мрамора в основной ванной, полы из мрамора и массива дымчатого дуба Nolte” – агитируют продавцы»), Ролдугин заканчивает свое расследование, как бы подтверждая наблюдения де Кюстина:

«Однако, понятно, что даже у Управления делами президента на всех чиновников квартир не наберется. Выход – кто бы сомневался! – нашли: с 27 января 2009 года в России действует Постановление правительства № 63, в котором прописан порядок получения субсидии на покупку чиновниками жилья. “Субсидия” это фигура речи, потому что на самом деле это беспроцентная невозвратная ссуда от 10 до 30 млн рублей.

“Новый класс” – так когда-то знаменитый югославский диссидент Милован Джилас назвал советскую партийную бюрократию. “Это те, кто получает специальные привилегии и экономические преференции благодаря только одному – тому, что имеют монополию на управление”. Поразительно, как некоторые вещи в России никогда не меняются»...

Завершая краткий обзор новых и неслыханных ранее привилегий управляющих, я подчеркну, что вопроса о «коррупции» (если так условно называть сложившуюся в России систему управления) все это как бы и не касается. Все перечисленное – абсолютно «законно»!

Но где сказано, что при «рыночной» экономике нельзя торговать административным ресурсом? Вот как описывает «искушение» управляющих Петр Авен:

«Действительно, во Франции пустует вилла, а рядом в море болтается тоже пустующая яхта. Почему бы тебе не отдохнуть там с семьей? Мы же друзья. Типичное предложение бизнесмена чиновнику. И никаких взяток. Есть, правда, отдельные деловые вопросы. Но их все равно надо решать. В интересах не столько моего бизнеса, сколько России. А заодно и семья отдохнет»... (Свинаренко И. Сильно умные разговоры про успех. М. 2004. С. 19).

Впрочем, при Путине, когда бизнес и власть окончательно «слились в экстазе», управляющие получили совсем новые возможности иметь собственные и виллы, и яхты – посредством не поддающихся контролю оффшорных схем...

10. Свобода без ответственности

Построение современной демократии в стране с многовековыми деспотическими традициями – это сложнейшая комплексная проблема. А у любой сложной проблемы, по «закону Мерфи», всегда есть одно простое неправильное решение...

Именно такое «решение» и было найдено «рыночными большевиками» 90-х.

Но из чрева троянского коня «либерализации» вместо демократии выполз все тот же Левиафан, только еще более наглый, изворотливый и изощренный... В ближайшие годы он «доест» все реликтовые островки гласности – и на этом с полученными от перестройки свободами будет окончательно покончено.

Преподнесенная обществу «свобода», которая консенсуально мыслилась населением и как свобода законного общественного благополучия, вылилась во всю ту же свободу властного произвола и принуждения.

Произошло это потому, что общество оказалось не готово к принятию такого подарка. Не готово к тому, что подарок может оказаться «куклой», взамен которой власть авансом получит «на доверии» почти неограниченные полномочия, позволяющие ей полностью отделить себя от общества, чтобы не замечать разоблачений в свой адрес.

В свою очередь, дорвавшиеся до власти «волшебники-недоучки», которым для обещанных чудес все время не хватало полномочий, рассчитывали лишь на подsunутые им советниками из «цивилизованных стран» рецепты, не рефлексирова, не примеряя на себя выработанного историей принципа: **«Власть развращает; безграничная власть развращает безгранично»** (лорд Актон).

При таких начальных условиях, произошедшее отделение управляющих «либерального призыва» от населения было неизбежным. Ибо их «рыночный большевизм», как и большевизм их исторических прототипов, не предусматривал самой элементарной моральной ответственности за провал обещанных обществу благ – добровольного ухода. «Отнюдь» – как говаривал их главный идеолог Гайдар.

Паниковский и Балаганов – вот трагикомичная метафора того очень короткого периода, предшествовавшего разрыву власти и населения:

«– А вдруг они не золотые? – спросил любимый сын лейтенанта, которому очень хотелось, чтобы Паниковский возможно скорее развеял его сомнения. – А какие ж они, по-вашему? – иронически спросил нарушитель конвенции...»

На рассвете далеко за городом сидели в овраге уполномоченный и курьер.

Они пилили гири. Носы их были перепачканы чугушной пылью...

– Что такое! – сказал вдруг Балаганов, переставая работать. – Три часа уже пилю, а оно все еще не золотое.

Паниковский не ответил. Он уже все понял и последние полчаса водил ножовкой только для виду.

– Ну-с, попилим еще! – бодро сказал рыжеволосый Шура.

– Конечно, надо пилить, – заметил Паниковский, стараясь оттянуть страшный час расплаты».

Если свобода не предусматривает ответственности – пиление гирь можно продолжать до бесконечности, даже когда уже нет ни гирь, ни пилы...

Продолжая «двигать реформы», продолжая уверять себя и население в том, что «светлое будущее» вот-вот наступит, власть, с определенного момента, сосредоточилась на том, чтобы «час расплаты» не наступил никогда.

Власть обязана была стать несменяемой.

А раз так, то все только появившиеся демократические институты, могущие этому помешать, должны были стать муляжами. И прежде всего – институт свободных выборов.

Деморализованное, с одной стороны, «реформами», а с другой – вооруженным переворотом октября 93-года общество показало свою неспособность сопротивляться антиправовому и жульническому принятию новой Конституции (см. об этом: Лукьянова Е.А. Из истории беззакония // Независимая газета. 1999. 5 октября). Следующим шагом стало переизбрание Ельцина 1996 года, когда полученные от назначенных Кремлем олигархов миллионы долларов «черного нала» в коробках из-под ксерокса были брошены на его кампанию, когда фальсифицировались протоколы, а бюллетени были незамедлительно уничтожены, едва встал вопрос о их проверке...

Реформаторы внушали, что их цель, в отличие от «большевиков», не в том, чтобы «не стало богатых», а в том, «чтобы не стало бедных». Так почему бы им не начать при этом с себя? Они же не Шариковы, чтобы «все поделить»...

Но ведь население может «неправильно понять»? Так и незачем ему вообще знать про это!..

И население, которому годами целенаправленно внушалось, что «считать деньги в чужом кармане» – нехорошо, что это – из наследия проклятого «совка» – не смогло противостоять этой «разводке»...

Так «реформаторы» превращались в «наперсточников»; так, в конце 90-х, Ельцин вынужден был обратиться за защитой будущего своего и своей «семьи» уже не к олигархам, а к ставленнику спецслужб Путину... И получил в обмен неслыханные нигде в мире гарантии своей, бывшего президента, неприкосновенности...

И пришла пора перелицовки из «борца с привилегиями» и «демократа» – в совсем другое амплуа:

«Слабые политики разрушали империи, отдавали свои территории, приносили в жертву собственные народы. И когда я искал среди политиков молодого поколения человека именно с такими чертами характера, который бы смог возглавить Россию после моего ухода, я конечно же обратил внимание на Владимира Путина. У него есть и ум, и воля. И в то же время он понимает смысл и глубину человеческих отношений в политике...

В 2000 году страна выбрала молодого президента Владимира Путина, и тоже в очень напряженной борьбе, ему противостояло старое, цепляющееся за власть, поколение политиков. Кстати, то, что многие из тех, кто работал со мной, сейчас продолжают работать уже с новым президентом, лучше всего говорит об их глубоком профессионализме» (Известия. 31.01.2006. <https://iz.ru/news/310747>)...

11. Глядя в будущее

Настало время подвести итоги нашего экскурса и анализа.

Но сначала – фрагмент истории про Уинстона Черчилля, рассказанный Севой Новгородцевым на страничке фейсбука.

«Представьте себе — глава государства-победителя, человек, распоряжавшийся всем достоянием Великобритании, проигрывает выборы в 1945 году, в семидесятилетнем возрасте возвращается в свое поместье и с тихим ужасом понимает, что он не в состоянии оплачивать текущие расходы.

Парламентарии, видя бедственное материальное положение бывшего премьера и национального героя, собирают деньги по подписке, но Черчилль их брать отказывается.

Наконец, достигнут компромисс — коллеги и друзья выкупают поместье за 50 тысяч фунтов, передают его во владение Национальному тресту с тем, чтобы после смерти владельца превратить в музей, а самому Черчиллю предлагают оставаться там пожизненным жильцом за номинальные 350 фунтов в год.

Он прожил в своем любимом Чартуэлле до самой смерти, только последние три месяца провел в больнице.

Чартуэлл — дом-музей Уинстона Черчилля в графстве Кент открылся для посетителей в 1966 году».

Это пример того, чем обеспечивается демократия. Там, где она складывалась в течении многих столетий.

А теперь перейдем к небольшому экскурсу в область того, какими механизмами обеспечивается введенная нами «справедливость удержания» в странах с не столь глубокими демократическими традициями.

Сингапур

С 1960 года действует закон, которым введена «презумпция виновности» государственного чиновника: невозможность доказать легальность своих трат или собственности рассматривается как доказательство его виновности в коррупции. Оплата труда чиновника привязана к средним доходам работников частного сектора. Любое вознаграждение, полученное чиновником от лица, искавшего связи с правительством, будет считаться заплаченным коррупционным путем в качестве стимула или награды, пока не доказано обратное. Все чиновники и их семьи лишены неприкосновенности. Агенты специального Бюро по расследованию случаев коррупции (БРК), обладающего политической и функциональной самостоятельностью, имеют право проверять все их, а также их родственников и даже друзей имущество. Дача ложных показаний БРК карается тюремным заключением и штрафом. Если вина чиновника доказана, то его имущество подлежит конфискации, чиновник платит огромный штраф, садится в тюрьму на достаточно приличный срок. При этом его семья считается опозоренной, и никто из членов семьи хорошую работу в Сингапуре найти не сможет.

США

Законодательство США рассматривает госслужбу, как такую сферу деятельности, из которой исключены какие бы то ни было личные или иные финансовые интересы, препятствующие добросовестному выполнению долга. Госслужащие не должны участвовать в финансовых операциях, при проведении которых предполагается использование закрытой правительственной информации или использовать такого рода информацию в личных целях. Служащим категорически запрещается в какой бы то ни было форме поощрять подношения или принимать подарки от любых лиц или группы лиц, добивающихся от них совершения каких-либо официальных действий, имеющих вместе с ними какие-либо общие дела или осуществляющих деятельность, регулируемую органом, в котором работают эти служащие. В обязанность служащим вменено докладывать в соответствующие инстанции обо всех замеченных случаях злоупотреблений и коррупции.

Традиционно ограничены возможности получения дополнительного дохода сверх основной зарплаты. Чиновники, назначаемые президентом США, вообще не могут получать какой бы то ни было доход в течение всего срока службы за услуги и деятельность, выходящую за рамки непосредственных служебных обязанностей. Действуют Кодекс этического поведения членов Сената Конгресса США и Кодекс этического поведения членов Палаты Представителей Конгресса США 1977 г. распространяемые и на работников аппарата. Сенаторы, кандидаты, баллотирующиеся в Сенат, а также чиновники различных рангов, служащие Сената подают декларацию финансового состояния. Декларируется все, что касается финансовых расходов и доходов за весь прошлый год: полный заработок, дивиденды, проценты по вкладам, доходы от движимого и недвижимого имущества, гонорары; финансовые и иные доходы, полученные от неправительственных организаций; оплата транспортных и связанных с ними расходов; подарки, полученные от любых лиц и организаций, в том числе в виде оплаты транспортных расходов, питания, проживания в гостиницах, угощения в ресторанах, различных развлечений; финансовые и иные обязательства, задолженности по ним; соглашения и договоренности с различными организациями о возможной работе в них или для них и многое другое.

Служащие Белого Дома и других исполнительных ведомств должны предоставлять руководителям своих ведомств следующую информацию:

- список наименований всех корпораций, компаний, фирм и других форм организации бизнеса, организаций, не преследующих цели получения прибыли, а также общеобразовательных и других институтов, с которыми служащий непосредственно или через жену, несовершеннолетних детей или других членов его семьи в настоящий момент имеет дело. От чиновника требуется предоставление списка всех его личных кредиторов, кредиторов его жены, малолетних детей и других проживающих вместе с ним членов семьи;
- о наличии у всех вышеуказанных лиц недвижимой собственности.

Проверкой занимается специально назначаемые в любом государственном управлении или департаменте лица или группы лиц, комиссии, которые при необходимости могут запрашивать дополнительную информацию, вызывать на беседу самих чиновников, проводить расследование. При серьезных нарушениях возможно привлечение к уголовной ответственности.

Обязательная процедура проверки на полиграфе. Часто это условие закрепляется в должностной инструкции или контракте на работу. Если чиновник или служащий не проходит проверку на детекторе, с ним могут даже расторгнуть договор.

Южная Корея

Здесь с 1999 года действует программа «OPEN» – онлайн-система контроля за рассмотрением заявлений граждан чиновниками городской администрации. С 01.01.2002 – закон «О борьбе с коррупцией», в соответствии с которым Комитет по аудиту и инспекции (так называется в стране главный антикоррупционный орган) обязан начать расследование обвинений в коррупции по любому заявлению совершеннолетнего гражданина страны...

Будущая Россия

Заглядывая в то время, когда какая-то часть нынешней России, ужаснувшись бездне своего падения, захочет начать путь к демократии «с чистого листа», я вижу во главе этого процесса людей, осознавших предшествующий отрицательный опыт и сделавших «справедливость удержания» главным объектом своей политики на пути к обществу социальной справедливости...

И да будет им в помощь завет маркиза де Кюстина:

«В государстве, в котором не существует среднего класса, всякая роскошь должна быть запрещена, так как она может быть объяснена и оправдана лишь в благоустроенных странах, где средний класс извлекает выгоды и средства к жизни из тщеславия и роскоши высшего общества»...

Москва, 17.12.2017